

ЛУННЫЙ ВОИН

ГРОМОВАЯ ЖЕМЧУЖИНА

АННА ГУРОВА

ЛУННЫЙ
ВОИН

ТОМ 1

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г95

Иллюстрации — *Ярослава Богородская*

Гурова, Анна Евгеньевна.

Г95 Лунный воин / Анна Гурова. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.: ил.

ISBN 978-5-04-184161-4

Юный Ким Енгон, наследник знатного рода, живет беспечной жизнью. Внезапно вокруг него начинают происходить зловещие события, очень напоминающие черную магию. Кажется, кто-то хочет принести его в жертву. Много лет назад, когда Ким был ребенком, его украл злой лесной чародей. Отвага, друзья и вмешательство добрых богов помогли мальчику спастись. Но враг выжил и ничего не забыл. Вместе с лучшим другом Ким уходит из столицы в горы, чтобы найти спасение в монастыре. А демоны идут за ним по пятам.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гурова А.Е., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-184161-4

ПРОЛОГ

«Дед! Ты спишь? Смотри, я поймал дракона!»
Мы у южной стороны святилища, там, где обрушилась от старости каменная ограда, и через пролом видна степь — легкие сухие травы до самого края земли.

Полдень. Вокруг пусто, безлюдно. Только трещат кузнечики в траве да невыносимо палит солнце.

Никто в деревне не выйдет ни к реке, ни в поле в этот час. Мужчины спят после утреннего лова, а их жены посиживают в тени, пьют чай на открытых верандах. Вокруг нас повсюду обломки стены, камни рассыпаны среди колючей и острой травы. На камнях греются ящерицы, в горячем воздухе проносятся рыжие стрекозы, вспыхивая радужными крыльями.

Дед Хару — наш деревенский шаман. Он сидит в тени колючего дерева лох, на соломенном коврике — сидит тихо, неподвижно, словно умер. Шаман маленький и худенький, как мальчик, смуглое лицо похоже на жухлую сливу, в густой сетке морщин и складок прячутся прохладные голубые глаза. Сейчас веки деда опущены. Лицо безмятежно, как у тех

спящих богов, которые вырезаны на древних моголах у святилища, ладони покоятся на коленях — кажется, что и не дышит. Вдох — тишина. Долго-долго грудь не шевельнется. Потом выдох.

И снова ни шевеления! Страшно!

Но я уже привык, я знаю, что так и надо. Дед Хару рассказал мне однажды, и я все понял. Он думает великие мысли. О небе — сразу обо всем, со всеми облаками, птицами и феями. О нашей реке Микаве, как она течет мимо ста островов в океан.

«Если все делаешь правильно, — сказал мне дед Хару, — то духи поднимут тебя над землей».

«Ого! Высоко?!»

Дед смеется.

«Невысоко, на ладонь».

Я пробовал, у меня уже почти получается, но не хватает терпения. Поэтому я просто играю рядом, очень тихо. Без топота и воплей, ползаю в траве.

Я охотник. Я охочусь на драконов. Ну, на самом-то деле на стрекоз. Они прилетают из глубины рощи, от ручья, где скрыты их тайные гнездилища. Вот одна сидит, покачиваясь на конце сухой травинки, — огромная ржаво-золотистая дракониха с выпученными глазами, похожими на радужные капли. Страшные челюсти у нее так и ходят из стороны в сторону. Бабушка Ута один раз взяла стрекозу за крылышки и дала той покусать себя за палец: «Вот, Мотылек, смотри, какая она хищная, прямо как тигр!» Стрекоза трепыхалась и кусала так злобно, что я не выдержал и заплакал, так мне стало жалко бабушку.

«Никогда не лови стрекоз, — сказала потом она. — Есть поверье, что стрекоза — проводник

в Нижний мир. Кто убьет стрекозу, тот сам скоро за ней уйдет...»

Но я все равно на них охочусь. Охотник ничего не должен бояться, иначе он уже не охотник. Настоящие мужчины не знают страха.

Когда на берег Микавы возле водопоя приплыла ужасная полосатая гадюка длиной в три мои руки с лягушкой в пасти и улеглась там на песочке, чтобы поесть, все боялись к ней подойти — ни мальчишки, ни женщины, ни коровы с козами не могли пройти к воде. Потом женщины увидели знакомого рыбака и дружно заголосили: «Иди сюда, дядюшка Карп, спаси нас!» Рыбак подошел к гадюке, сплюнул — «Экая погань!» — и ударил ее веслом поперек хребта. Гадюка взметнулась, как хлыст, женщины завизжали и отшатнулись. А рыбак еще раз ударил ее веслом — и она упала на песок, как будто сломанная пополам, и одна ее половина дергалась, а другая лежала неподвижно...

...Стрекоза как будто приглашает поиграть в пятнашки, перелетая с травинки на травинку. Я поймаю эту стрекозу в шапку и отнесу бабушке.

А она скажет:

«Ах, какой ты храбрый, Мотылек! Выброси немедленно эту гадость!»

Голову печет солнце, между лопатками стекает пот. Еще прыжок! Опять отлетела... Но я настигну ее, я устал, значит, и она тоже — ведь я больше и сильнее. Терпко и вкусно пахнет горячая трава. Говорят, солнце иногда поджигает ее, и если степь загорится, то никто, даже войско императора, не сможет ее

потушить, пока все не сгорит дотла. Оглушительно звенят серые кузнечики. Их тут много, и я вижу, как они прыгают в траве. Стрекоза совсем близко. Еще прыжок! Я лечу вперед, выставив перед собой соломенную шляпу, и стрекоза в ловушке! Есть! Поймал! Ой... Где я?

Нет ни осыпавшейся стены, ни деревьев с острыми листьями. Нет деда. Со всех сторон, куда ни глянь, только мертвые травы равнины. И — Солнце. Солнце огромное, во все небо, палящее, жестокое. Бабушка говорит — надо быть очень осторожным с Солнцем. Есть время Солнца, есть время Луны. То, что между ними, — наше, людское. Не выходи на улицу в час Солнца, Мотылек, или оно увидит тебя, разгневается и напустит на тебя злых духов — квисинов... У меня кружится голова. Все громче верещат кузнечики. Кто-то шуршит в сухой траве, то справа, то слева, словно хищные твари подбираются ближе, окружают меня кольцом. Мне становится страшно и тоскливо. Здесь кто-то есть, кто-то охотится на меня. Гадюки? Квисины? Или...

Небо внезапно темнеет, над головой проносится тень, и я чувствую, как на меня падает ненавидящий взгляд. Совсем близко раздается жуткий нечеловеческий голос, похожий на приглушенное рычание:

— Я обещал, что найду тебя и съем? Вот ты и попался, гаденыш!

Я узнаю голос, и меня охватывает дикая паника. Никаких чувств, кроме ужаса, никаких мыслей, кро-

ме одной — бежать сломя голову куда угодно, лишь бы подальше от этого голоса и взгляда!

«Дед, куда ты пропал?! Спаси меня! Они меня нашли! Дед, дед! Где ты?!!»

Ким, младший сын князя Енгона, распахнул глаза и рывком сел на кровати. Сердце колотилось так, будто он действительно мгновение назад чудом ускользнул от верной гибели. Простыня была мокрая от пота. Юноша свесил ноги на пол и сел на край кровати, постукивая зубами и бормоча про себя как заведенный:

«Демон исчез, его больше нет в этом мире! Десять лет прошло, как сгинули адский волк и его хозяин! Я же сам это видел. Они оба мертвы, сгорели, на моих глазах превратились в головешки. Все давно кончилось! Это просто сон!»

Когда сердце перестало рваться наружу, Ким встал с постели и подошел к окну. Отодвинул штору, глубоко вздохнул.

Из сада веяло сыростью. Ночи уже прохладные — конец лета, как-никак. В густо-синей вышине раскинулось по-осеннему яркое созвездие Цветочного Балдахина — семизвездный полог над тронном Небесного Императора. В предрассветной синеве чернели замысловатые крыши столицы. Кое-где в домах уже горели одинокие огни.

«Скоро рассвет, — успокаивая дыхание, подумал Ким. — Приснится же! Да еще накануне такого важного события в моей жизни, как государственный экзамен! Это все не просто так... Дед Хару прямо как живой — я уж начал забывать, как он выглядел... Что

бы это значило? А, понял! Не иначе дед явился, чтобы благословить воспитанника перед экзаменом! Спасибо, дед!»

Ким мысленно отвесил ему глубокий поклон.

«Хм-м... а почему только дед? Где остальные предки? Почему я никого не вижу? Где же вы, уважаемые князя Енгоны?»

Впрочем, предков можно понять, довольно непочтительно подумал Ким. Во-первых, к чему создавать толчею? Куда удобнее являться по одному. Правда, тогда благословение затянется на несколько месяцев...

Ким представил себе сотни поминальных табличек в семейной часовне, прикинул длину очереди, в которую выстроятся несколько десятков поколений Лунной династии, и усмехнулся.

А вторая причина — с чего бы это предкам вздумалось благословлять приемыша? У них и родных внуков хватает. «Хотя дед Хару тоже мне не родной. Просто один из случайных людей, которые воспитывали безродного сироту...»

Прохладный ветерок опять нагнал сон. Ким потянулся, зевнул и посмотрел в темноту у дальней стенки, где находилась стойка для мечей.

«Повезло все-таки этому безродному сироте», — подумал он, прогоняя последние остатки детского страха.

На стойке хранились три меча: два деревянных — для тренировок — и один боевой. Несмотря на темное происхождение приемыша, князь Вольгван Енгон обучал его воинским искусствам наравне со своими сыновьями. Ким привык к мечу

настолько, что без него чувствовал себя словно без штанов. Но завтра придется оставить меч дома. Зачем он студенту, которому предстоит целый день, скрючившись в экзаменационной кабинке, писать сочинение на заданную тему, да еще и в стихах?

Низко над крышами соседских усадеб висела луна. Внизу, в саду, летали пульсирующие жемчужинки — светлячки. Князь Вольгван приказал напустить их в сад для красоты и чтобы они напоминали ему об островах Кирил, где прошли лучшие годы его жизни.

Ким со вздохом вернулся в остывшую постель, думая о государственном экзамене. В голове, откровенно говоря, была полная каша.

Накануне вечером он до полуночи беседовал с дядей, отставным генералом Ильченом Енгоном, на предполагаемые экзаменационные темы. «Пожалуйста, дедушка и прочие предки, пошлите мне что-нибудь конкретное! — взмолился Ким, закрывая глаза. — Южные войны, умиротворение варваров, мятеж красноповязочников...»

«Главное на войне против варваров, сынок, правильно провести зачистку, — пробубнил у него в голове голос дяди Ильчена. — Вводишь войска в селение, окружаешь общинный дом и поджигает с нескольких сторон сразу. Если из дома выбегают женщины и дети, значит, селение мирное, а если мужики с вилами и красными повязками на голове, значит, мятежное. И тогда...»

«Хм, а если никто не выбегает?»

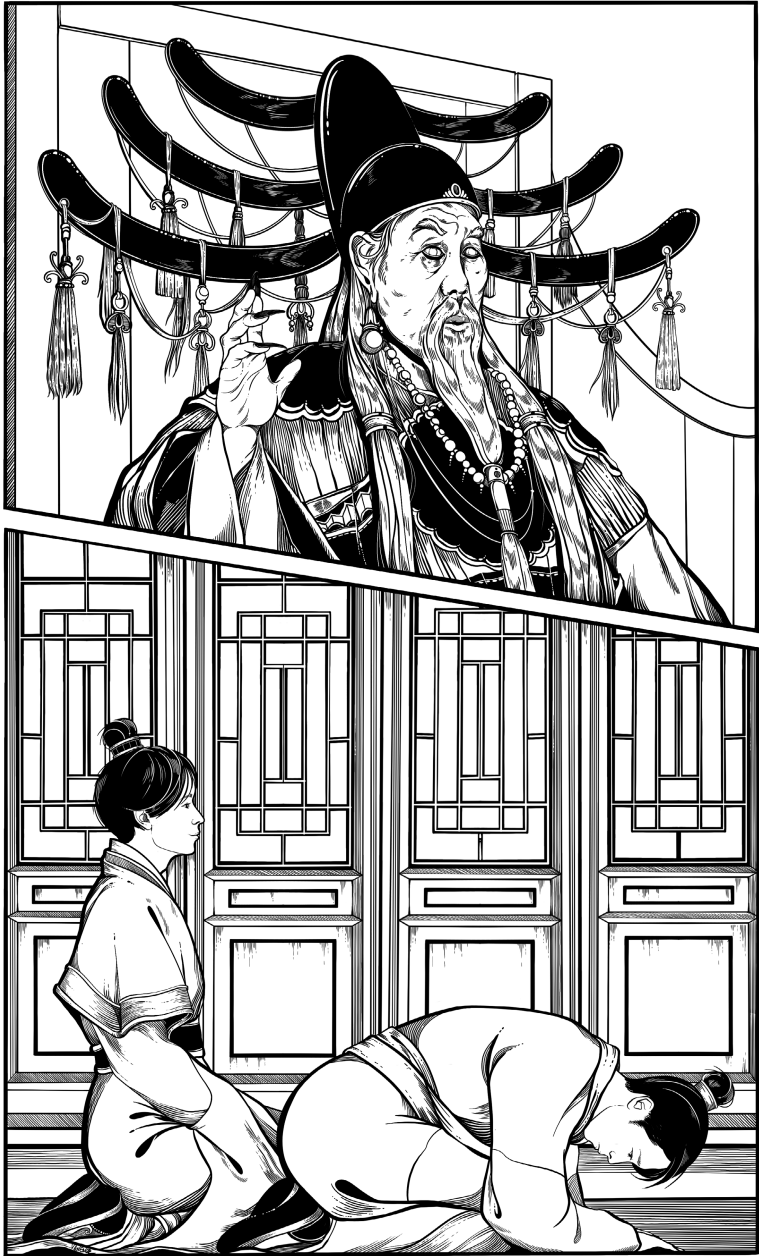
«Значит, мои храбрые воины перестарались — и огонь разгорелся слишком быстро!»

Ким вновь ухмыльнулся, представив себе дядю, перелег на другой бок. Мысли мешались, дядины поучения сливались в невнятное бормотание...

«На самом деле все эти разговоры об умиротворении — чепуха, сынок. Горные варвары воюют, потому что такими их создали боги. Наши прадеды с ними воевали, и наши правнуки тоже с ними будут воевать, попомни мои слова. Ой, главное, не ляпни этакое в сочинении, не то отправишься из экзаменационной кабинки прямо в тюрьму...»

Ким еще раз улыбнулся сквозь дрему — и крепко заснул.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В разгар дружеской попойки появляется бес и предлагает Киму совершить убийство

Еще не совсем закончился день, облака дотлевали на западе и наливались угольной чернотой на востоке, а над садом столичного дома богатых купцов Люпинов уже взошла полная луна. Как и было задумано геомантом-архитектором, она угнездилась точно в центре «лунного окна» размером в полстены — круг в круге — к полному восторгу гостей.

— Среди хвои сосновой
Слепит-блистает луна... —

продекламировал Рей Люпин, сын хозяина дома, первые строки древней песни и сделал паузу — кто из друзей узнает и подхватит?

Первый гость, его приятель Чинха, уставился на луну нетрезвым взором и облизнулся.

«Вылитый блин! Только недожаренный...»

— Какая луна!
В эту ночь даже птицы в гнездах
дверей не закрыли! —

чуть замешкавшись, отозвался второй гость, Ким Енгон.

Рей невольно поморщился.

— Друг мой, это не лучший выбор, — мягко укорил он юношу. — Я знаю, что ты вырос на варварских островах Кирилл. Но их неуклюжие трехстишья неуместны в просвещенной столице.

Ким смутился.

— А мне нравятся кириллские трехстишья, — с вызовом вскинув голову, заявил он. — В них сама жизнь, а не только изящные словесные обороты. И вообще я собираюсь стать не поэтом, а воином!

— Благородный воин — много больше, чем просто убийца!

Чинха, услышав последние слова друга, разразился грубым хохотом.

— У-ха-ха! Сын купца учит сына князя, как быть воином!

Ким подхватил смех приятеля. Лицо Рея на миг затуманилось досадой, но он тут же взял себя в руки и начал смеяться вместе с прочими.

Луна всходила незаметно, становясь с каждым мгновением все ярче и светлее. Однако вскоре кромка «лунного окна» срезала ее верхний край, и безупречная гармония была нарушена. Тогда гости вернулись к столу с яствами и больше о луне не вспоминали.

Главным украшением низкого лакированного стола была армия кувшинчиков со сливовым вином. Каждый как раз такого объема, чтобы хватило разлить в три чарки — из них не менее половины уже пустые. На свободном от кувшинов месте громоздились тарелки в виде рыб и перевернутых черепаших панцирей. В остатках подливки плавали недоеденные кусочки мяса и хлебные корки. Еды было приготовлено столь-

ко, что даже четверем оголодавшим за день парням не удалось умять все без остатка. Что касается выпивки, то ее, как известно любому студенту, много не бывает.

Рей Люпин приехал сдавать государственный экзамен впервые. Его отец истратил немало средств на наемных учителей, рассчитывая в будущем, когда Рей возвратится в родные края высокопоставленным чиновником, вернуть их с процентами. В успехе сына он не сомневался, с купеческой трезвостью оценивая его быстрый ум, упорство и честолюбие.

Вместе с Реем приехал его сосед и давний приятель, сын помещика, великовозрастный бездельник Чинха. По настоянию родителей он приезжал на экзамен уже третий раз, и все говорило о том, что он снова провалится.

Рей, хоть и сын купца, выглядел истинным имперцем — стройный, темноволосый, с широкими плечами и правильным, слегка скуластым лицом, всегда хранящим выражение гордого достоинства. У Чинхи физиономия была, наоборот, некрасивая и неблагородная, с мохнатыми бровями и носом картошкой, но его это нисколько не заботило.

Ким Енгон, новичок в их компании, был ходячей противоположностью имперского идеала мужчины. Невысокий, изящный и большеглазый, он порой напоминал переодетую девушку. Одним словом, типичный житель Кирима. Это островное царство было покорено и присоединено к империи четыреста лет назад. За яркие голубые глаза Кима то и дело обзывали в столице бесовским отродьем. В ответ он огрызался, что на его родных островах колдунами считаются как раз обладатели зловещих темных глаз.

Как выглядел четвертый гость, студент по имени Хэ, определить было бы непросто, поскольку тот давно уже спал в углу, с головой завернувшись в сорванную с окна занавеску.

В этот вечер приятели собрались вместе, чтобы отдохнуть душой и телом после длившегося целый день госэкзамена. Праздновать было пока нечего — оценки обещали объявить только послезавтра. Однако развеяться после многочасового утомительного сидения на одном месте и напряжения всех умственных сил было просто необходимо.

Для этого еще накануне было закуплено вино, заказан ужин и приглашены танцовщицы-кисэн — точнее, одна плясунья и две певицы с лютнями. Но денег у приятелей хватило только на полтора часа песен и плясок, после чего танцовщицы ушли, с натренированной вежливостью, не поддаваясь на пьяные уговоры остаться и присоединиться к празднеству. Правда, впопыхах кисэн забыли лютню. Ким фальшиво тренькал на ней, пока Чинха не отобрал ее и не стукнул его этой лютней по голове. Лютня переломилась пополам, и Ким выкинул ее в окно, как будто ее тут и не было.

Проводив луну, гости вернулись к прерванному разговору. Обсуждали, кому какая тема досталась на экзамене и чья была отвратительнее. Впрочем, Рей считал, что ему с вопросом повезло.

— Моя тема была такая: «В нашем мире нет ничего бессмертного, кроме империи». Это, кстати, цитата из Древнего Конопляного Старца, — неторопливо рассказывал Рей, отщипывая кусочки от края абрикосовой запеканки. — А теперь — мой ответ. Династии могут меняться, но империя вечна. Империя являет-

ся зеркальным отражением небесной божественной иерархии и одновременно — ее продолжением в нашем мире. Поэтому империя — идеальное государственное устройство. А гибель империи — самое ужасное, что можно себе вообразить. Правитель, который не действует на благо империи, обречен на гибель и неудачу. А чиновнику, чьи не сбалансированные с природой действия повлекли за собой ущерб империи, лучше и вовсе не рождаться на свет... Вот. Каждый тезис, естественно, подкреплён цитатами из классиков... По-моему, тема проще некуда.

— Ха, простая, — буркнул Чинха. — У тебя все темы простые. Меня бы так же натаскивали!

— А тебе что досталось? — спросил его Ким.

— Описать три основные внешнеполитические стратегии империи. Ужас!

— Совсем просто! — отмахнулся Рей. — Просто перечислить и описать стратегии. «Вьюнок», «Гусеница, пожирающая тутовый лист» и «Победа над варварами руками других варваров». Даже порассуждать не о чем.

— Ох, — завистливо вздохнул Ким. — Мне бы эту тему! Мы с дядей Ильченом только вчера все это обсудили. Знаешь, Рей, он ведь умиротворял горных варваров!

— Ага, — ехидно подтвердил Чинха. — Его именем там до сих пор детей пугают.

— А ты откуда знаешь?

— Это правда, — подтвердил Рей. — Отцу пришлось свернуть торговлю на том направлении — не с кем стало торговать...

Чинха распечатал очередной кувшинчик, разлил вино по чаркам. Луна ушла из окна, поднявшись высоко над деревьями, и кабинет сразу погрузился в по-

лумрак, который едва рассеивали два масляных керамических светильника по углам стола. Вокруг огонька каждого тучкой вилась ночная мошкара.

— А ему что попало? — спросил Рей, указывая на спящего Хэ.

Ким и Чинха расхохотались.

— Ему как по заказу, — сказал Чинха. — Проанализировать философскую категорию «хэ-хэ».

— Еще одна простая тема, — заявил Рей. — Философема «хэ-хэ», или «согласие и единение», означает всемирную гармонию, равновесие мужского и женского начал...

— Слушайте, что я придумал! — встрял Ким. — Градации мужского начала: хэ-хэ, хи-хи, ха-ха и о-хо-хо!

Чинха залился пьяным хохотом. Рей снисходительно усмехнулся — он эту шутку уже слышал раз пятьдесят.

— А тебе-то какая тема досталась? — спросил он Кима.

Тот сразу опечалился.

— Я, наверно, провалился, — уныло сказал он. — Это предки виноваты. Я их всю ночь о помощи просил, а они что? Подсунули мне абстрактно-этическую тему «Три источника зла в империи».

— Ну, это вообще самое простое... — начал было Рей.

Но, перехватив недобрый взгляд Кима, осекся и спросил:

— И что ты написал?

— Сейчас, вспомню... В общем, вкратце так. Как говорят священники: все зло от бесов. Значит, первый источник зла — бесы, стремящиеся разрушить им-

перию. Второй источник — варвары, подстрекаемые бесами и стремящиеся к тому же. И третий — высшие чиновники империи, обманутые бесами и потому не понимающие, в чем заключается благо империи. От них — самый страшный вред.

— По-моему, все очень гладенько, — одобрил Чинха.

— Неплохо, — кивнул Рей. — А цитатами из классиков ты каждую мысль подтвердил?

— В том-то и дело, что нет! Ни одной не вспомнил!

— Ну, тогда, братец, ты провалился. Сочинение без цитат — это не сочинение, а просто испорченный лист бумаги. Годен только подтереться и выкинуть.

Ким пожал плечами и зевнул во весь рот.

— Ким мог сдать чистый лист или нарисовать на нем карикатуру на главного экзаменатора, — слегка заплетающимся языком сообщил Чинха. — Ха! Хотел бы я посмотреть, как эти бюрократы посмеют завалить парня из рода Енгонов!

— Чепуха! — резко ответил Ким. — Во-первых, правила едины для всех сословий, а во-вторых, я не Енгон, и потому...

Не успел Ким договорить, как в окно дохнуло легким ветерком, пламя замигало в светильниках, а Чинха свесил голову набок, свалился на пол тряпичным тюком — и неожиданно уснул.

— Вот те раз! — слегка презрительно сказал Рей. — Да, что-то слаб стал братец Чинха. Раньше, бывало, все уже под столом, а он все чешет языком.

— Это на него проблема зла так подействовала, — предположил Ким.

И, приняв у павшего товарища боевой пост, распечатал очередной кувшинчик.

— Кстати, — с интересом спросил его через минуту Рей, когда кувшинчик опустел, — почему ты постоянно повторяешь, что ты не Енгон?

— Потому что я приемыш, — с вызовом сказал Ким. — Сирота с варварских островов. Фамилия моей бабушки была Сок. Полдеревни — Сок, а полдеревни — Сук.

— Полдеревни кого?!

— Это те, кто переселился с другого берега Микавы!

— Ну а к князю-то ты как попал?

— Это долгая история, — помрачнел Ким. — Жил я с бабушкой, пока мне не исполнилось семь лет... А потом пришел чужой человек. Страшный человек с черным волком, который был и не волк вовсе...

Он говорил, и словно темная тень заволокла комнату.

«Вот я и нашел тебя, гаденыш! Я говорил, что рано или поздно найду тебя и съем?!»

Ким тряхнул головой, прогоняя видения прошлого.

— Ну говори, — с любопытством сказал Рей. — Пришел человек с волком и...

— Это был злой чародей. Он забрал меня с собой.

— И?

— А князь Енгон меня спас, — свернул тему Ким. — Вернее, нашел в лесу на дороге без сознания, когда я... Не хочу вспоминать.

— Ну не вспоминай, если неприятно, — сочувственно кивнул Рей. — Значит, нашел тебя князь в лесу... И усыновил?

— Ничего подобного.

— Гм. Странно... Знаешь, что я думаю? Стали бы Енгоны так возиться с приемышем! Наверняка один

из тех головорезов, которых ты называешь дядьями, а возможно, и старшими братьями, на самом деле твой отец. Скорее всего, даже сам князь Вольгван — ведь это он лет десять был наместником на островах Кирим. Ну а твоя мать была какой-нибудь местной голубоглазкой... Только не ври, что у тебя такая мысль не мелькала!

— Мелькала, — скромно признался Ким. — Я ж не совсем наивный.

— Вот видишь. Погоди, наступит твое совершеннолетие, и тебе об этом объявят! Соберут весь клан и под барабанный бой вручат тебе фамильное оружие... Или как там у вас, князей, полагается...

— «У нас, князей», хи-хи... Для этого было бы неплохо знать свой возраст. А я его знаю приблизительно.

— Вот и точный возраст свой заодно узнаешь.

Прятели посмеялись и распили еще кувшинчик сливянки.

— Скажу тебе по секрету — страшно не хочется идти в чиновники! — доверительно сообщил другу Ким. — Почему мне не позволили пойти в гвардию или стать хвараном, как старшим братьям?

— Зачем же ты готовился к экзаменам, если не хочешь служить? — удивился Рей.

— Так дядя заставил! — Ким глубоко вздохнул. — Ладно, надеюсь, это ненадолго. Похожу немного в чиновничьем халате, а потом начнется какая-нибудь война — и тогда!..

— Какие вы, Енгоны, все-таки кровожадные.

— Лично я не кровожадный, а ленивый. Как представлю, что к утренней переключке во дворце надо вставать каждый день в семь утра...

Тут Ким умолк, увидев, что Рей его не слушает, а самым невежливым образом спит прямо за столом.

— Эй, дружище?

В небе над садом бесшумно упала звезда, дрогнуло пламя в светильниках. Чарка выпала из пальцев Рея.

— Так, и этот туда же, — пробормотал Ким, с неудовольствием обнаружив, что остался без собеседников. — М-да, братцы, что-то рано вы меня бросили одного...

Бережно уложив прямо на пол задремавшего друга, Ким потянулся, зевнул, взглянул в окно. В голове шумело, но спать совершенно не хотелось. Ну и чем теперь заняться? Гнусные предатели валялись на полу, наслаждаясь сонными грезами.

«Братец Сай завтра вроде бы собирался с утра покататься верхом вдоль городской стены, — рассеянно подумал Ким. — Может, с ним поехать — авось не просплю, если лягу пораньше...»

Дунул ветер, с неба листопадом посыпались звезды. На мгновение Киму показалось, что созвездия мигнули и помутнели, как гаснущие светильники, а Небесный Балдахин качнулся, оборвался и ухнул вниз. Ким оперся о стену и зажмурился, чтобы не упасть.

«Кажется, я тоже выпил лишку...»

Открыв глаза, он увидел, что спавший в углу четвертый гость, Хэ, медленно поднимается с пола.

— С добрым утром! — приветствовал его Ким, тут же приходя в хорошее настроение. — А ты знаешь, что уже вечер послезавтрашнего дня и ты проспал объявление оценок?

Хэ не отвечал, деловито и совсем по-трезвому выпутываясь из занавески.

— Кстати, хорошо, что ты не явился, — приняв встревоженный вид, продолжал Ким. — Твое сочинение было объявлено пасквилем на императора, а ты — государственным изменником! Тебе надо как можно быстрее литься из столицы..

В этот момент Хэ наконец выпутался из тряпки, отшвырнул ее на пол, выпрямился — и Ким потерял дар речи. Перед ним стоял вовсе не Хэ, а другой, незнакомый ему человек. Да и человек ли? Весь в черном с головы до пят — только лицо бледным пятном выделяется в полумраке.

А за окном творилось что-то непонятное — звезды сыпались дождем, словно все одновременно решили переселиться с небес на землю.

— Ты кто такой? — пробормотал Ким, когда к нему вернулся голос.

Рука его невольно потянулась к поясу, нашаривая отсутствующий меч.

Незнакомец не ответил и не пошевелился. Только в комнате как будто стало темнее.

У Кима по спине побежали мурашки.

«Бес!» — похолодев, понял он.

Уже много лет Ким не сталкивался с порождениями Нижнего мира. Ох, недаром прошедшей ночью приснился тот кошмар..

«Не поддавайся страху! — стиснув зубы, приказал себе он. — Если приучишь себя не бояться трех вещей: темноты, дикого зверя и нечистой силы, — не останется ничего, способного тебя напугать...»

— Сгинь, пропади! — приказал Ким. — Я никуда с тобой не пойду!

— Я никуда тебя и не зову, — глухим голосом ответил бес.

Взгляды их встретились. Небесный Балдахин дрожал над черноволосой головой незваного гостя, как мерцающий снежный капюшон. Глаза у беса были такие же большие и светлые, как у Кима, но холодные, жесткие, печальные. Весь в черном — то ли монах, то ли лазутчик. Ким быстро глянул на его руки — оружия не видно. Конечно, зачем оружие нечистой силе?!

— Здравствуй, Мотылек, — произнес бес.

Ким опешил. Что угодно он ожидал услышать, но не это!

— Откуда ты знаешь мое детское имя? — выпалил он.

— Неважно...

Бес оглядел комнату, остановил взгляд на спящем Рее, и лицо его исказилось от ненависти.

— Эй, ты чего так смотришь на моего друга? — встревожился Ким. — Я его в обиду не дам! Я бесов не боюсь, если что!

— Боишься, еще как боишься, — хмыкнул пришлец. — Я о тебе много знаю. Куда больше, чем ты сам.

Пока бес говорил, Ким заметил у него посреди лба рисунок странной формы. Пригляделся — а значок-то знакомый! Трехзубое клеймо императорской тюрьмы! Бес — государственный преступник! Вот чудеса...

— Времени мало, — продолжил ночной гость. — Слушай внимательно, Мотылек! Скоро ты отправишься в путь, и на этом пути тебя ждет огромная беда...

— Какая еще беда?

— Тени из прошлого преследуют тебя, грозя гибелью. Но куда хуже — угроза из будущего...

— Да хватит говорить загадками! Что тебе надо?

— Я пришел, чтобы помочь тебе, — устало сказал бес.

— И чем же ты мне поможешь?

В голубых глазах беса снова полыхнула ненависть. Он ткнул пальцем в спящего на полу Рея Люпина:

— Убей его!

«Убить Рея?!» — опешил Ким.

Чего угодно он ожидал, только не этого. При чем тут Рей? Откуда у купеческого сына враги среди демонов?

— Ты сбрендил, бес, — сказал он вслух надменно. — С чего бы вдруг я стал тебя слушаться?

— Убей его! — повторил заклеянный бес угрожающим тоном. — Причем прямо сейчас! Тебе будет гораздо сложнее убить его, когда он станет бессмертным!

— Бессмертным? — Ким изумленно взглянул на мирно спящего Рея. — Вот этот парень? Что за чепуха!

— Прошу, поверь мне! — Бес погасил в глазах ненависть. — Безымянными богами заклинаю тебя, Мотылек! Его смерть станет благом для тебя, для страны и в конечном счете — для него самого. Если не убьешь его сейчас, то потом долго меня вспоминать будешь, а исправить уже ничего нельзя..

Ким еще раз внимательно посмотрел на Рея. Спящий и пьяный, тот казался таким беспомощным, беззащитным, нелепым. Небось никакого оружия опаснее кисточки с тушечницей в руках не держал..

— Значит, бессмертным, — медленно повторил он. — А мне не предскажешь будущее?

— Если не убьешь его, будущего у тебя не будет.

— Это в каком смысле?

— В прямом. Он, — пришлец ткнул пальцем в Рея, — тебя погубит...

В этот миг Ким вскинул руку и метнул прямо в лицо бесу длинную, в полторы ладони длиной, стальную шпильку, которую незадолго до того незаметно вытащил из церемониальной прически и спрятал в рукав. Шпилька свистнула в воздухе и вонзилась в стену в пальце от бесова уха. Тот даже не шелохнулся. В тот же миг Ким бросил вторую шпильку. Не бывало еще такого, чтобы он промахивался на десяти шагах, даже пьяный. Однако снова не попал — ночной гость каким-то образом оказался на полшага левее того места, куда целился Ким.

«Настоящий бес пропустил бы шпильку сквозь себя, — краем сознания отметил Ким. — Или растаял бы в воздухе от прикосновения железа. А этот — просто увернулся...»

Отскочив назад, чтобы между ним и бесом оказался стол, он напоказ вытянул из прически последнюю шпильку. Жгут черных волос рассыпался по спине юноши, длинные пряди упали на глаза. Что поделать — много оружия у приемыша не оказалось. Ходить вооруженным в гости, тем более на пир, считалось в столице крайней степенью варварства.

— Ты кто такой, лазутчик? — держа шпильку наготове для броска, властно спросил Ким. Именно таким тоном, по его мнению, следовало разговаривать благородному воину с презренным шпионом. — Кто тебя послал? Кто желает смерти моего друга Рея Люпина?

Усталое лицо «беса» совсем помрачнело.

— Так я и знал, что этим кончится, — пробормотал он. — Ладно, хоть предупредил. В любом случае теперь все пойдет по-другому.

И вдруг упал — рухнул навзничь, словно пораженный стрелой. Ким замер, подозревая хитрость. Потом осторожно приблизился к телу. Перед ним снова был его толстомордый приятель Хэ: храпит, благоухая винными парами. А лазучик будто в воздухе растаял.

Несколько мгновений Ким в растерянности топтался на месте, подставляясь под все возможные удары. Неужели и вправду это был бес?

Тут за окном в кустах что-то прошуршало. Ким бросился к «лунному окну», выскочил наружу. По верхушкам деревьев гулял холодный ветер, затягивал небо тучами, шевелил тысячами листьев. Сад был полон шорохов, ночные тени разбегались во все стороны. Киму почудилось, что одна из них прыгнула на каменную ограду.

— Стоять! — заорал приемыш и ринулся в погоню, топча цветники.

Он ловко взлетел на стену, но не удержался и спрыгнул — почти свалился — на другую сторону, на крышу какого-то сарайчика. Захрустела черепица, посыпалась вниз. Ким едва не ссыпался вместе с ней, но зацепился за конек и притаился, скрючившись и высматривая лазучика. Того, разумеется, не было и в помине.

Вдруг внизу, прямо под ногами, залаяла собака.

— Это что за бес там шарит?! — раздался женский вопль из соседского двора.

Ким тихо выругался: «Только этого не хватало!», — побежал вдоль конька и только собрался спрыгнуть на

другую сторону, как черепица поехала у него под ногами. Вместе с частью крыши он покатился вниз и в туче глиняных черепков свалился на улицу, прямо кому-то на голову.

— Держите вора! — вопила соседка.

Кима с руганью схватили за руки. Он рванулся, но держали крепко.

— Ну-ка не дергаться! — раздался над его головой грубый голос. — Парни, не упустите его! Эй, вор, где оставшаяся шайка?

— Я не вор! — заорал Ким, извиваясь в лапах стражников. Он уже сообразил, что его угораздило рухнуть на головы ночного дозора. — Я сын князя Енгона!

Дозорные отреагировали на его слова глумливым ржанием и заломили ему руки за спину. Кто-то ловко и бесцеремонно обыскал его.

— Дурачье, я как раз вора ловлю! — звонко выкрикнул Ким, не оставляя попыток вырваться. — А ну быстро отпустили меня, тупые громилы!

Ответом ему был жестокий удар под дых. Ким подавился криком и прекратил сопротивление. Ночные стражники бросили его на землю и в азарте принялись пинать ногами.

— Остановитесь-ка, парни! Кажется, он и впрямь не вор, — заметил старший дозорный, разглядывая задержанного. — Больше похож на студентика... Ну все равно, тащите-ка его в районную управу. Там из него вытрясут всю правду!

Ким, получивший удар по голове, валялся на земле без сознания. Дух его был уже далеко, дальше некуда. Много лет назад, в самой отдаленной глухомани...

ГЛАВА 2

Архипелаг Кирим, Стрекозий остров. Десять лет назад

Стрекозий остров, наверно, самый дикий уголок обитаемых земель на самой дальней границе империи. Крошечная точка среди сотни островков в дельте реки Микавы, которая неторопливо несет свои мутные воды с севера на юг среди заливных лугов и рисовых полей южного Кирима.

Стрекозий остров можно обойти за пару дней. Вдоль восточного берега змеей протянулась деревенька Сок: три десятка свайных домов под остроконечными тростниковыми крышами. Даже своего рынка тут нет. Когда на берегу кверху днищами лежат рядами лодки, кажется, что лодок на острове больше, чем жителей.

Вдоль берега идет узкая полоса плодородной земли, которую весной заливают паводки. Только там растут сады, там селятся люди. В глубине же острова — выжженная солнцем, не пригодная для обитания обширная пустошь, по местным поверьям, обиталище бесов. Во время паводков там поднимаются травы до пояса и пламенеет дикая гвоздика, а к середине лета травы высыхают и пустошь вымирает до осени.

На дальнем, незаселенном конце острова, до которого полдня пути от деревни, находится древняя священная роща. Там живут безымянный бог — покровитель острова — и деревенский шаман, который ему прислуживает.

Река Микава определяет всю жизнь на острове. Меняется ветер, меняется вода в реке, меняется погода,

меняются заботы и даже настроение островитян. Старожилы Стрекозьего острова насчитывают пять видов ветра. Верховой сгоняет воду на десять локтей. Южная низовка делает воду соленой и приносит удивительных дохлых медуз из великого океана Тайхео. Свирепый лесной дует с запада в сезон дождей, заставляя Микаву бурлить и разливаться. Степной ветер сушит кожу, река надолго становится мелкой и мутной, рыба уходит в глубину. Горский изредка залетает в эти края в середине зимы, донося до жителей острова холодное дыхание далеких северных гор Комасон, оставляя после себя в душах тревогу да кристаллы инея на песке.

Микава широка: с деревенской пристани едва разглядишь дальний берег, где в дымке маячат заливные луга, богатые птицей. Тамошние обитатели живут охотой и чужаков к себе не пускают. Чуть ближе зелеными холмами поднимаются над плавнями два островка поменьше Стрекозьего — Большой и Малый Гадючьи. Когда на заре, в безветрие выплываешь на лодке к этим островкам, то кажется, что никакой реки нет, а сверху и снизу есть лишь бездонное темно-голубое небо, в котором беззвучно летят два зеленых облака в ореоле камышовых зарослей — летят на юг, к далекому теплему океану. На Гадючьих островках не живет никто, кроме птиц, змей и лягушек. Только рыбаки ставят там шалаши, когда остаются на ночной лов.

Все мужчины в здешних краях — рыбаки. По утрам, еще до рассвета, уходят на лов. Возвращаются перед полуднем, отдают улов женам, отдыхают до вечера, а на закате уходят на реку снова. На Стрекозьем остро-

ве ловят сетями; на других островах ставят переметы или используют ловчих бакланов с кольцами на шее, чтобы птицы не могли глотать пойманных рыбешек. У берега, между лодками на приколе, снуют гадюки, выставив из воды острые головки, — тоже ловят рыбу.

На берегу постоянно кипит жизнь, замирая только в самые жаркие полуденные часы. Мужчины конопатят и смолят лодки, чинят сети, женщины стирают, чистят рыбу. Дети бегают с ведрами за водой для полива, строят крепости из грязи и глины или ловят с пристани мальков на муху. Вычищенную, подготовленную к обработке рыбу грузят в лодки и увозят на соседний остров, где ее будут коптить — подальше от жилья, — а потом повезут на большой остров Горбатый Холм на ярмарку.

Местные жители — невысокие и стройные, как и все кирымцы. Красивые, долго не стареющие женщины с кошачьими глазами и грубыми прокуренными голосами. Сутулые большеглазые мужики, загорелые до черноты, похожие на изможденных подростков. Рыбаки ходят полуголые, в отрепьях и высоких сапогах для защиты от змей. Женщины до зрелых лет наряжаются и кокетничают. Смуглые мальчики и девочки, тонконогие и шустрые, как паучата-водомерки, с одинаковыми прическами-«метелками» на макушках, так много времени проводят в реке, как будто там родились. Каждое третье детское имя на островах в дельте Микавы — Лягушонок или Выползок.

Над узкой грязной полосой песка, истоптанной следами козьих копыт, топорчатся колючие заросли ежевики и свисают тяжелые ветви слив и яблонь. Лучшие

дома — на самом берегу, где плодороднее земля, пышнее сады. Дома победнее выстроились вдоль пыльной дороги, которая идет по краю степи до перевоза. Там деревянные духи-квисины со страшными раскрашенными харями охраняют паромную переправу от злых людей и чужих бродячих бесов.

На самом краю деревни, посреди густого неухоженного сада стоял бедный дом: запущенный, с почерневшей от времени тростниковой крышей, на деревянных столбах. По ночам под полом громко шуршали мыши. На чердаке жили черноголовые дятлы, которые с рассветом начинали долбить южную глухую стену, добывая из нее личинок древоточцев, и стуком будили обитателей дома — пожилую вдову и ее маленького внука.

Вдову звали бабушка Ута. Ее муж и сыновья давно погибли на бесконечной войне, которую вела империя где-то далеко на севере. Вторично замуж она не вышла, чтя память мужа, и тянула хозяйство в одиночку. Старая Ута отличалась жизнерадостным общительным нравом, и односельчане охотно выполняли свой родовой долг — помогали женщине, оставшейся без кормильцев, вырастить внука. Соседки притащивали пожилой женщине целые корзины баклажанов, оставляли для нее на крыльце кринки с молоком и пахтой. Рыбаки, проходя по утрам мимо двора Уты, бросали ей через забор связки свежей рыбы. Бабушка Ута и сама не сидела сложа руки. Двор был прибран и ухожен, в доме — безупречно чисто. Правда, на сад ее сил уже не хватало. Вишни, сливы, абрикосы, грецкие орехи и тутовые деревья одичали без ухода и раз-

рослись так густо, что в саду и в полдень царил полумрак. Там, где прежде были цветники, осталась только сухая серая земля, испещренная трещинами. Маленький огород изнемогал, страдая от недостаточного полива. Жалко было смотреть на пожухлую ботву редьки и листья баклажанов, когда они беспомощно лежали на земле под жгучим солнцем. Впрочем, овощей вызревало достаточно, чтобы Ута с внуком не голодали.

Внуку шел восьмой год. Это был тоненький черноволосый мальчик с большущими голубыми глазами, шалун и выдумщик, надоедливый, как комар. Как у всех односельчан, у мальчика было тайное родовое имя, известное только шаману, который его давал, и ками — хранителю рода Сок. А прежде чем назвать внука детским именем, Ута очень долго думала. Ведь это имя будет известно всем, в том числе и злым духам — квисином, которые только и ждут, как бы украсть и пожрать беспомощную детскую душу. Поэтому с давних времен жители островов Кириим старались обмануть квисинов, чтобы те пренебрегли их младенцами и не стали забирать их себе. Как только ни обзывали они своих детей! Давали новорожденным женские имена, собачьи клички, презрительные прозвища: «девчонка», «нежеланный», «лишний рот», «заморыш», «задохлик», — и все, чтобы перехитрить злых духов. Ута посоветовалась с шаманом, со старостой, с соседками и придумала очень хорошее имя. Мальчик был назван в честь самого незащитного и слабого из мелких прибрежных существ, которое к тому же живет один день, — он получил имя Мотылек...

ГЛАВА 3

Ким попадает в неприятности

Ким вынырнул из видений прошлого, приоткрыл глаза, попытался приподняться и со стоном упал обратно на лавку. Голова трещала, в горле стоял ком, ныла каждая косточка. В ноздри ударила вонь, целый букет разнообразных тошнотворных запахов — от потного немытого тела до застарелой блевотины. Несколько минут Ким лежал пластом, пытаясь сдержать приступ тошноты. Рядом бубнили незнакомые голоса, кто-то хрипло рассмеялся — как железным скребком по ушам.

«Где я? В выгребной яме?»

Левый глаз не открывался. Ким рискнул приоткрыть правый. Вокруг маячило сумрачное подвальное помещение с решетчатыми узкими окнами под самым потолком — как впоследствии выяснилось, нижний этаж районной управы охраны мира и порядка, где держат обвиняемых до суда... Говоря попросту, тюрьма.

Вдоль стенок на длинных деревянных лавках и под ними теснилось несколько десятков оборванцев: грязных, избитых, в лохмотьях, а то и совсем голых. Сквозь узкое окно под самым потолком просачивались золотисто-розовые лучи утреннего солнца. В его веселом свете узилище казалось еще грязнее и отвратительнее. Только тут Ким заметил, что сам он такой же грязный и оборванный, как большинство здешних обитателей.

Трое соседей обсуждали волнующую тему — когда принесут обед. При мысли о еде, особенно в сочетании с местными ароматами, подвал перестал качать-

ся перед глазами Кима и начал медленно вращаться вокруг лавки, на которой он лежал, постепенно ускоряясь. Юноша зажмурился и затаил дыхание, изо всех сил стараясь удержать внутри вчерашний ужин. Последнее, что запомнилось Киму, — потрясающей яркости вспышка в левом глазу. А что было до того? Эк-замен... Попойка... Бес!

Где-то вдалеке слышались тяжелые шаги. Лязгнул засов.

— Ну, где он? — раздался знакомый властный голос.

— Вот, пожалуйста сюда, господин... Осторожно, сапожки не запачкайте...

При звуке голоса Ким встрепенулся, распахнул глаза и увидел перед собой эти самые сапожки — роскошные, лазурные, с кисточками и алыми каблуками для верховой езды. Обладателем сапог был юноша лет двадцати, ликом подобный утреннему солнцу и такой же неуместный в этом подвале. Такому бы гарцевать на коне, в золоте и шелках, по главным улицам столицы, мимо великолепных дворцов и угодливых простолюдинов, под испуганный многоголосый шепот:

— Хваран, кланяйтесь ниже, это хваран!

Никто не захочет по доброй воле навлечь на себя неудовольствие хваранов — прекрасных и безжалостных юных воинов-чародеев. О колдовских умениях и жестокости «юношей-цветов» складывают легенды. По шаманскому обычаю хвараны разрисовывают лица, чтобы подманить к себе самых свирепых и могучих духов. Чем привлекательней хваран, тем больше кровожадных демонов вьется вокруг него, словно невидимые шершни вокруг душистого цветка.

Таков был юноша, вошедший в подвал районной управы. На кафтане вышит золотом тигренок — знак ранга. Лицо раскрашено ярче и искуснее, чем у певички-кисэн, ладонь на рукояти меча, подведенные глаза смотрят жестко и надменно. За плечом маячат начальник управы и дежурные стражники. Оборванцы-задержанные при виде начальства засуетились, попадали ниц, мордами в пол.

— Братец Сай! — прохрипел Ким.

Хотел было вскочить навстречу сводному брату, но в голове бухнуло, и пришлось упасть обратно на лавку.

Сайхун наконец изволил заметить младшего родича.

— Это что за падаль? — громко произнес он. — Это что же, благородный Енгон валяется на грязной шконке с синей мордой, как загулявший лавочник?

Сайхун безжалостно поднял Кима за шиворот с лежанки, поставил на ноги, сморщился:

— Ну и воняет от тебя! Почему волосы растрепаны? Где пояс потерял?

Начальник управы, наблюдавший за унижением перепившего юнца с полным одобрением, важно сказал:

— Это мы отобрали, светлейший княжич. Так полагается — пояса, перевязи, ленты для волос, шпильки, не говоря уж о ножах и всем прочем, пригодном для лишения себя жизни. Женщинам, буде таковые попадут в управу, приказываем размотать еще ножные бинты. Почему-то они, дуры, на ножных бинтах от позора чаще всего и вешаются...

— А это что такое? — напряженным голосом перебил его Сайхун, всматриваясь в чумазое лицо младшего брата. — Почему глаз подбит?

— Не помню, — смущенно ответил Ким.

Хваран обернулся к начальнику управы:

— Его тут что, били?

Начальник изменился в лице.

— Никак нет, светлейший! Здесь — и пальцем не тронули. Может быть, патрульные немного помяли, когда тащили в управу... Парнишка-то ведь оказывал сопротивление...

— Он назвал им свое имя и сан? — угрожающим тоном спросил Сайхун.

— Дак это... — забормотал главный стражник, — он же был вусмерть пьяный! Что-то орал, конечно, но ребята не поняли, что он княжич... Думали, простой киримский студент...

— Назвал или нет?

— Отстань ты от него, — с сочувствием глянув на вспотевшего начальника, сказал Ким. — Пошли отсюда! На свежий воздух хочу!

Щеки Сайхуна под ритуальными белилами покраснели от ярости.

— Кто посмел ударить Енгона?

Начальник управы при виде разгневанного хварана без раздумий упал на колени.

Сейчас как проклянет — не отмолишься! Или вовсе пойдет махать мечом, только головы полетят. А потом еще и невиновен окажется — дескать, ничего не помню, в меня дух вселился, а духи государю неподсудны.

— Это был бес, братец, — вмешался Ким. — Бес меня ударил!

— Какой еще бес?

— Поехали домой, по дороге расскажу.

С полминуты Сайхун сверлил взглядом лысую макушку начальника стражи, свирепо сопя, однако взял себя в руки и на сей раз решил смиростивиться.

— Ладно уж, Ким, пошли из этого свинарника, — бросил он и, чеканя шаг, пошел из подвала.

Ким кое-как поплелся за ним.

— А тебе урок, коротышка, — громко, чтобы слышал начальник стражи, вразумлял брата Сайхун. — Истинный Енгон должен защищать свою честь, даже когда он изволил напиться! Сколько их было в патруле? Человек пять-шесть, не больше? Лучше бы ты их зарубил, чем позволил притащить тебя сюда! Дядя заплатил бы штраф, зато твоя княжеская честь осталась бы незапятнанной!

Начальник услышал, но смолчал, подумав про себя: «Чтоб вас всех чумные духи пожрали, проклятые хвараны! Надо же было так лопухнуться! А этим недоумкам из ночного патруля велю — пусть в следующий раз внимательнее слушают, что болтают задерживаемые, — и заодно наложу взыскание на каждого...»

Братья вышли во двор управы. Кима ослепило солнце, в легкие ворвался свежий ветер, изгоняя тюремный смрад. У высокой стены рядом с воротами сидели на корточках полтора десятка воинов в цветах Енгонов. При виде Сайхуна они дружно поднялись на ноги.

— Ха, легко сказать — «заруби», — ворчал Ким. — Интересно, чем бы я их зарубил, когда у меня не было с собой меча?

— А где же был твой меч? — ядовито поинтересовался старший брат. — Дозорные отобрали?

— Нет, конечно! М-м-м... Должно быть, забыл у Рея...

— Забыл меч! — презрительно повторил Сай, изничтожив Кима взглядом. — Ты, конечно, извини, братец, но это поступок, достойный киримского варвара.

Ким промолчал, страдая от стыда и похмелья.

— Ладно, пошли домой. Переоденешься, умоешься, а потом...

— Я лучше сначала сбегаю к Рею за мечом, — возразил Ким.

На свежем воздухе он кое-что вспомнил о событиях прошлой ночи, и ему стало тревожно. Не случилось ли чего с Реем? Что, если тот «бес» вернулся и прикончил его?

— Надо проведать Рея и посмотреть, все ли в порядке, — сказал он вслух.

Сайхун поманил к себе одного из воинов, взял у него меч и протянул Киму:

— На, позорище! Вот твой меч. Я уже заходил в особняк Люпинов.

— Там все живы?

— Что за странный вопрос? — удивился Сайхун. — Разумеется, да. Рей выполз во двор такой же зеленый, как ты. Очень извинялся, ничего внятного о том, куда ты делся, не сказал — дескать, уснул, ничего не помню... Да что у вас там произошло? Поссорились, что ли?

Ким принялся рассказывать о ночном госте.

— Темная история, — задумчиво сказал Сайхун, когда брат закончил. — Говоришь, этот «бес» подбивал тебя на убийство? Ясно как день, что это был лазутчик. Возможно, колдун, умеющий отводить глаза. Ясно также, что целью его был не жалкий купчишка Рей...

— Не называй его купчишкой, — перебил его Ким. — Не к лицу нам, Енгонам, тыкать человека носом в его

низкое происхождение. «Истинное благородство — благородство духа», как выразился великий воитель Облачный Ветер!

— Облачный Ветер, конечно, так и выразился, но при этом сам он вел свой род от Желтого Государя.

— Ну и что? Пока что я не встретил в столице никого, кто внушил бы мне такое уважение, как Рей Люпин, — гнул свое Ким. — Он умнее меня, гораздо лучше образован... В отличие от меня, четко знает, чего хочет в жизни...

— Не худо было бы навести справки о твоём выдающемся Рее, — заметил Сайхун. — Как знать, может, он совсем не тот, за кого себя выдает. Я повторяю — целью лазутчика явно был не он, а *ты*, Ким. Похоже, именно тебя хотели втравить в неприятности и отчасти этого добились. Или даже не тебя, а самого князя Вольгвана...

— Да как ты мог такое предположить! — возмутился Ким. — Рей — воплощение честности и внутреннего благородства! Хочешь, пойдем к моим друзьям, и они подтвердят...

— Ах да, совсем забыл — не болтай особо об этой истории, пока мы не выясним, кто из наших врагов подслал лазутчика. Особенно с теми простолюдинами, с которыми ты пьянствовал сегодня ночью. А лучше вообще забудь дорогу в дом купчихи...

— Брат!

На улицах было очень многолюдно. Солдаты шли спереди и сзади, расталкивая народ. Хварану уголиво кланялись, на Кима поглядывали с недоумением. По дороге домой братья завернули на рынок, где Сайхун купил крынку свежей сыворотки, которую Ким с бла-

годарностью тут же и выпил. Солнце, ветер и прогулка оживили его.

Братья держали путь в квартал Поднебесный Удел, где жила высшая знать. Он располагался под самой стеной Небесного Города — огромного дворца, обиталища императора и его двора. В народе Поднебесный Удел ехидно прозвали Подзаборным. Улицы становились все шире, все чаще попадались навстречу всадники и паланкины, наряды прохожих запестрели яркими красками, засверкали золотой вышивкой. По обе стороны за высокими белеными оградами поднимались стены особняков, дворцов и храмов.

Вскоре братья свернули к роскошному пятиярусному дворцу, окруженному обширным садом. Его крыша с приподнятыми углами, крытая красной и золоченой черепицей, казалась крыльями феникса, которые белоснежный дворец широко распахнул, готовясь взлететь в небо. Это был дворец Вольсон, или Лунная Крепость, — столичная резиденция князей Енгонов.

Во дворе перед высоким крыльцом братьев поджидал один из слуг князя Вольгвана.

— Господин князь велел вам немедленно явиться, — с поклоном сообщил он Киму. — Он встретится с вами в южной галерее внутреннего двора. Переоденьтесь, умойтесь да поторопитесь — князь уже давно ждет вас и, кажется, весьма разгневан.

— Дядя меня ждет? — испуганно повторил Ким. — Он что, уже все знает?

— А ты как думал! — насмешливо заметил Сайхун.

Киму стало очень не по себе. Похоже, князь и впрямь сердит, если решил лично устроить выволоч-

ку приемышу. А ведь может и меч отобрать. Скажет — недостойн! И вообще, как захочет, так и накажет. Хочет — на улицу выгонит, хочет — голову срубит. Тут, в столице, отец, глава дома, волен в жизни и смерти всех своих детей, даже родных. А о неродном и говорить нечего...

Сайхун похлопал младшего брата по плечу:

— Ну, желаю успеха. Ты, главное, не оправдывайся. Бейся лбом об пол и на каждый упрек жалобно кричи — виноват, исправлюсь!

— Тебе-то хорошо советовать, — уныло сказал Ким и побежал переодеваться.

ГЛАВА 4

Стрекозий остров. Плохая примета

— Мотылек, вставай! Солнце уже взошло!

Сонный Мотылек неохотно приоткрыл глаза. Бабушка права — действительно взошло, причем успешно подняться довольно высоко. Вон как ярко светит сквозь вощеную бумагу. В нос тут же забрались такие знакомые, крепкие и сладкие запахи кладовки. Над головой, прицепленные к стропилам, сушатся серо-зеленые метелки мяты, свисают гирлянды белого чеснока, красного стручкового перца и черных древесных грибов, вкусно пахнут золотистые низки жирной копченой рыбы. По стенам на тонких веревочках развешаны десятки вишневых и коричневых, сладко пахнущих лепешек, на которых уже пасутся мухи. Так бабушка запасает на зиму абрикосы и вишни — протерев их в кашу, выливает на плоские камни и высушивает на

солнце. И еще почему-то щекочет ноздри горьковатый терпкий запах полыни.

Маленькая тесная кладовка превратилась в спальню только накануне вечером. Мотылек самовольно перевесил сюда свой гамак, заявив бабушке, что теперь тут будет мужская половина дома. Дескать, мужчина должен спать не с бабушкой, а отдельно. Ута поворчала, посмеялась, но спорить с внуком не стала, про себя подумав, что Мотыльку скоро надоест спать одному или ему приснится страшный сон — и он перебежит обратно.

Мотыльку в голову то и дело приходили разнообразные сногшибательные идеи. Например, несколько недель назад он объявил бабушке, что ему не нравится его имя — «какое-то оно девчоночье», — а потому он меняет его на Водяной Дракон Царь Микавы. Эта блажь так прочно засела ему в голову, что чуть ли не три недели он откликался исключительно на Водяного Дракона, а если его по ошибке называли Мотыльком, сердился и поднимал крик. Но как-то раз «Царь Микавы» целый день плескался у пристани с мальчиком с Косы по имени Водомерка и так с ним сошелся, что к вечеру в знак вечной дружбы поменялся с ним именами. Однако имя Водомерка ему совсем не нравилось, да и мальчик вернулся к себе на Косу. Не прошло и двух дней, как оба новых имени были совершенно забыты.

— Вставай, соня!

Ута заглянула в кладовку. Бабушка невысокая и полненькая; у нее круглое загорелое лицо, румяные щеки, раскосые ласковые глаза, и вся она похожа на пожилую домашнюю кошку. Голова туго обмотана

ярко-красным праздничным платком, чтобы спрятать седые виски, на морщинистой шее — бусы из ракушек.

— Я же знаю, что ты проснулся! Завтрак на столе!

— Ну бабушка, еще немножко поваляюсь...

— Ты не забыл, какой сегодня день?

— А какой?

Ута улыбнулась, протянула руку и повесила на гвоздик над гамаком сплетенную из соломы тигриную морду.

Мотылек взглянул на плетенку, и с него весь сон вибрировал. Сегодня же начинается праздник Голодных Духов!

По всей империи — от южных джунглей царства Ле Лои, где верят, что небо — это шляпка Мирового Гриба, до скудных плоскогорий севера, где небеса считают доньшком закопченного Мирового Котла, — отмечают в конце лета дни Голодных Духов. По древнему поверью, в новолуние последнего летнего месяца открываются врата преисподней — и остаются открытыми целых шесть дней. Все это время обитатели нижних миров свободно шастают по земле, порой прихватывая с собой ее зазевавшихся обитателей. Духи предков дружно устремляются в свои бывшие дома, проведать правнуков. Шесть дней, пока не затворятся адские врата, родители прячут детей и никуда не пускают их одних, особенно после заката, чтобы бесы не украли. Страшный и веселый праздник, таинственный и трогательный, когда бесы бродят прямо за калиткой, когда чувствуют духов-хранителей и кормят впрок местных квисинов, когда вся семья — живые и мертвые — раз в году собирается у одного очага...

Мотылек вывалился из гамака, едва не угодив ногой в большую корзину с сушеной фасолью, натянул штанишки и побежал умываться на широкое крыльцо, где в тени под навесом стояла бадья с дождевой водой. Прохладная вода окончательно разбудила Мотылька. Он поплескал себе в лицо, сладко потянулся, вдохнул полной грудью запаха сада и раннего утра.

Над дверью висел пучок свежей полыни — от бесов, чтобы не пробрались в дом. В ветвях яблонь и тутов перекликались птицы, сердито жужжали пчелы, пытаясь через мелкую сетку пробраться на веранду, где бабушка накрывала на стол.

Завтрак был необычно сытный: тушеный карп с репой, тертой морковью и пряностями. Никто не умел готовить рыбу так, как бабушка. Она знала десятки рецептов, множество соусов и приправ и сама изобретала все новые.

— Кушай получше, — говорила бабушка, накладывая куски рыбы в тарелку внука. — В следующий раз будем есть не скоро. Нам сегодня идти далеко-далеко...

Мотылька не нужно было уговаривать — все умял в один присест и вскочил, собираясь бежать в сад.

— Куда поскакал? Ну-ка стой! А одеться?

Мотылек весь извелся от нетерпения, пока бабушка одевала его в выходной наряд. Широкие жесткие штаны до середины голени с красным гарусом по низу; бледно-зеленая рубашечка, а поверх нее еще одна, тоже светло-зеленая, но с набивным рисунком в виде крупных красных гвоздик. Обязательно ярко-алый пояс — бесы красного цвета боятся. На заскорузлые подошвы пришлось надеть соломенные сандалии. Всклоченные черные волосы Мотылька бабушка расчеса-

ла и завязала в пучок на макушке. Проверила, чисто ли умылся. Наконец отпустила:

— Иди, играй пока. И только попробуй изваляться в грязи!

Мотылек тут же побежал через сад к забору, кататься на калитке и глядеть на народ. А посмотреть было на что. Прямо за забором тянулась дорога — от Перевоза, мимо пустоши бесов, в сторону святилища. Вдоль дороги, почти не давая тени, торчали деревья лох с колючками и серой корой. Обычно в ранний утренний час дорога пуста, но сегодня по ней текли целые толпы народа. Над дорогой стоял гул веселых голосов, лай собак, смех, шарканье множества ног.

В глазах Мотылька зарябило от многоцветья праздничных нарядов. Островитяне двигались не спеша, в обе стороны — и к Перевозу, и к святилищу. Почтенные люди — целыми семьями, парни и девушки — шумными компаниями. Между взрослыми с веселыми воплями носились дети. Можно было даже встретить незнакомого человека — например, с Косы, где Мотылек знал не всех, или вообще с соседнего большого острова Горбатый Холм, а то и откуда-нибудь еще подальше, даже с другого берега, а это все равно что с того света. И какие все нарядные, какой торжественный у всех вид! Пламенеют красные рубашки и юбки; руки почти у всех заняты узлами и свертками. У многих за спиной плетеные короба с приношениями разнообразным духам — обитателям Стрекозьего острова.

Те, кто шел налево, направлялись к источнику, где росла огромная смоковница с такими толстыми ветвями, что под ними было даже боязно стоять.

Весь год к источнику приходили женщины с ведрами и кувшинами, по ветвям лазали мальчишки. Козы, напившись из источника, в поисках молодых листьев забирались на могучее дерево всем стадом чуть ли не до самого верха. Лишь раз в год люди вспоминали, что в смоковнице живет местный ками, дух — покровитель рода Сок.

Легенда гласила, что в незапамятные времена на Стрекозий остров приплыл некто Рябой Налим, основатель рода, с многочисленным семейством, и привез этого ками в наглухо запечатанном глиняном горшке. Горшок он закопал у источника и посадил там смоковницу. С тех пор ками жил в корнях дерева и присматривал оттуда за островитянами. Посылал рыбу в достаточных количествах, щедрые урожаи моркови, кабачков и баклажанов, здоровых новорожденных детишек. Следил, чтобы квисины особенно не распускались и знали меру в пакостях... В общем, обеспечивал благоденствие рода. До сих пор, чтоб не сглазить, вполне успешно. Ками был непривередливый и не жаловался на то, что его мало почитают, довольствуясь венками из маков и гвоздики и красными тряпочками, которые деревенские жители развешивали в дни Голодных Духов на ветвях смоковницы.

Более существенные приношения — пироги, битая птица — предназначались «сторожам». Так называли местных квисинов, устрашающие морды которых были вырезаны на деревянных столбах возле Перевоза. Квисин есть квисин: прикармливай не прикармливай злого духа — добрее он не станет. Но все же если его, гада, ублажать как следует, то он будет ценить то место, где живет, и не пустит на свою землю

чужих бесов. Ведь чужой квисин как разбойник: ему бы нахапать, разорить и убраться восвояси. А свой... Толку от него, конечно, никакого, зато он уже сытый, да и привычный. И с местным ками давно уже все поделил.

Так целый день бродят деревенские жители по острову взад-вперед. Сначала ками поклонятся, потом квисинов накормят, повидаются с родственниками, женщины покрасуются в новых нарядах, людей посмотрят, себя покажут. Вернувшись вечером, выставят на крыльцо фонари — чтобы не заблудились души предков по дороге домой, сядут у очага, помянут умерших, скормят огню жертвенные кушанья и бумажные полоски с просьбами. А ночью, когда старики и малые детишки лягут спать, начнется *настоящий* праздник: разожгут на берегу Микавы большой яркий костер, накроют под открытым небом длинные столы, девушки и парни будут петь предкам величальные песни и танцевать для духов ритуальные танцы, а потом пойдет гульба и веселый пир, который продлится до самого утра...

Подумал Мотылек об этом костре, о танцах и пире и позавидовал взрослым парням — его-то ночью на берег, конечно, не пустят...

— Мотылек, готов? Ну-ка повернись! Вот молодец, даже коленки не запачкал!

Бабушка спустилась с крыльца. На ней розовая кофта с широкими рукавами и вышивкой у ворота, небесно-синяя юбка до щиколоток, на грудь спускается ракушечная гирлянда, на ногах нарядные сандалии, за спиной лыковый плетеный короб со снедью и дарами духам, в руке — большой соломенный зонтик.

— На, понесешь вот это. — Ута протянула внуку объемистый, но не тяжелый тюк. — Берегись, чтобы собака не выхватила, тут пироги.

— Для деда Хару?

— Сколько раз говорила — не называй святого старца дедом!

— Он сам мне разрешил!

— Разрешил не разрешил, а все равно это неприлично. Давай-ка поклонимся домовым, чтобы благословили нас на дорожку...

Бабушка и внук, обернувшись к дому, поклонились в пояс и вышли за калитку. И тут же с дороги послышалось:

— Ута, голубушка! С праздничком тебя!

— Хиноко, сестричка, ты ли это!

— И внучек с тобой? Как вырос-то!

Ута оживилась, приосанилась и поспешила на встречу дальней родственнице, которую, конечно же, сто лет не видела. Мотылек закатил глаза и испустил душераздирающий вздох. Ну все, теперь начнут точить лясы. Пока всеми сплетнями не поделятся, бабушку с места не сдвинуть. А там еще какая-нибудь родственница встретится...

— Ох, ноги-то как болят, милая, шутка ли, пройти два ри, да еще столько же обратно! Старик мой остался дома, у него ведь еще по весне в левое колено вселился бес...

— Как твоя уважаемая свекровь — так и не встает?

— Ах, голубушка, даже не спрашивай. Все с нею намучились, и конца-краю этой муке не видно...

— Что ж, старость не радость... А это что за красавица-невеста с тобой?

— Да это же Кувшинка, внучка моя! Весной просва-
тали, осенью будем замуж выдавать...

— Малюточка-Кувшинка? Ох, сестричка, как время-
то летит! Кажется, совсем недавно и мы с тобой невеста-
ми были...

Ахи, охи, болтовня бесконечная... Мотылек оглянул-
ся по сторонам — нет ли знакомых мальчишек. Как на-
зло, никого не видать. Тогда он присел рядом с жен-
щинами на корточки и принялся рисовать пальцем
страшную рожу прямо в дорожной пыли. Сам не замети-
л, как вывозился по самые локти.

— ...А ты, сестричка, опять одна — в старое святи-
лице? Неужели потащишь мальчишечку в такую даль,
через бесову пустошь, в самый солнцепек?

— Надо же кому-то безымянного бога почтить, —
ответила бабушка с едва заметным укором в голосе. —
Мы ведь тут поселились непрошеными гостями, а об
исконном владыке наших мест и не вспоминаем. Не-
хорошо это. Как бы он не разгневался на нас.

Родственница, смутившись, засуетилась, вытащила
из короба внучки маленький сверток — тот, что сверху
лежал, — и протянула Мотыльку.

— Ах, будем живы — и мы непременно безыменно-
го почтим, только уж больно идти-то далеко, да по та-
ким проклятым местам... Ну, передайте от нас святому
старцу поклон да вот это...

Сверток был липкий, и от него пахло медом. Моты-
лек с надеждой подумал, что сладости, возможно, доста-
нутся ему. Наверняка дед их не любит, он же старый...

Наконец попрощались, отправились дальше, еже-
минутно кланяясь знакомым и родственникам. И вот
вышли из деревни и добрались до развилки: налево —

к смоковнице, направо — к Перевозу. Прямо — совсем узкая, едва заметная тропинка, уводящая вдаль, через просторы наливающейся дневным жаром бесовой пустоши.

Туда и свернули Ута с внуком.

Вот и шум праздничной толпы стих, дома, сады и дорога остались позади. Слышно только, как трещат кузнечики и похрустывают травинки, ломаясь под ногами. Над головой с назойливым жужжанием вьются мелкие мухи. По обе стороны тропы простерлась равнина, заросшая сухой низкой колючей травой. В ясном небе, как назло, ни облачка, от солнца больно глазам. Вокруг, в траве, цветут алые зубчатые звездочки гвоздики и ярко-синий цикорий.

С каждым шагом становилось все жарче, цветы смыкали свои лепестки, сливаясь с серо-золотистой травой. Бабушка раскрыла над головой соломенный зонт.

— Иди сюда, Мотылек, — проворчала она. — Поздненько вышли, а все из-за того, что кое-кто любит поваляться в гамаке!

— А вот и нет — кое-кто болтал по дороге с разными тетями...

— Молчи уж, соня... Хорошо, если доберемся к полудню! А вечером мне идти обратно в сумерках — вот страху-то натерплюсь...

Утро переходило в день. Равнина как горячая сковорода, так и полыхала жаром. Тропинка вилась между неглубокими сухими оврагами. Мотылек скоро устал, начал ныть и спотыкаться.

— Ладно, посидим чуток, — пожалела его бабушка.

Они отошли с тропы и устроились в скудной тени нескольких колючих лохов. Под деревьями обнаружи-

лась спящая бродячая собака — вся в репьях, ласковая. Мотылек хотел дать ей кусок пирога, но бабушка не позволила.

— Потом до самого дома не отвяжется! Пошли, малыш. Овраги вроде кончились, давай-ка срежем путь...

Дальше пошли прямо через пустошь, поглядывая под ноги, чтобы не попасть в сусличью нору. Вдалеке уже виднелись зеленые кроны священной рощи.

Когда солнце встало прямо над головой, пламенея в дрожащем от зноя воздухе, бабушка и внук неожиданно вышли на странное место. Ровная, лишенная травы полянка была будто распахана плугом. Черные борозды шли по кругу и были усеяны мелкими белыми шариками, словно костяные бусы просыпались на обгорелую траву.

При виде этих шариков бабушка побледнела, схватилась за амулет и начала шепотом призывать ками.

— Что это? — спросил Мотылек.

— Грибница. — Бабушка схватила внука за руку и потащила в сторону, обходя черные круги. — Бесов круг. Осторожно, Мотылек, не наступи! Вылезла же, окаянная, прямо на пути!

Мотылек потянул носом — грибные шарики пахли заманчиво.

— Может, насобираем на обед?

— Ни в коем случае! Ох, плохая примета! Квисины нам путь заступили. Как бы не было беды...

— И что теперь — назад повернем? — Мотылек с любопытством посмотрел на белые шарики. Никакого страха он не чувствовал.

— Нет, мы уже почти пришли...

Ута поплевала в обе стороны, сложила пальцы от глаза и повела внука дальше, к маячившей впереди роще.

Не прошло и получаса, как Ута и Мотылек вошли в тень развесистых деревьев. На всем острове было только одно такое влажное место. Там пробивался на поверхность источник, образуя полноводный ручей. Окрестности ручья густо заросли платанами, тутами и одичавшими садовыми деревьями, плоды которых никто не собирал — они считались принадлежащими безымянному богу.

Среди деревьев пряталась полуразрушенная каменная стена. Тропинка бежала вдоль нее и заканчивалась возле высоких, в два человеческих роста, ворот. Их деревянные створки давно сгнили и отвалились, но украшенная резьбой каменная арка казалась нерушимой. По верху арки шла тщательно сбитая надпись.

Бабушка закрыла зонт, поправила лямки короба, утерла пот со лба.

— Хорошо-то как! — вздохнула она. — Тенек, прохлада! Ну, хвала богам, добрались!

И они вошли под арку на землю святилища, как в темную сырую пещеру.

ГЛАВА 5

Ким получает нагоняй и принимает решение поселиться в дырявой бочке

Внутренний двор столичного дворца Вольсон, с его цветниками, мраморными фонариками и дорожками из плоской гальки, обрамленными мхом, был залит полуденным солнцем. В центре, над прудом, повисла воз-

душная беломраморная беседка, куда князь Вольгван обычно приглашал гостей на чаепитие. Солнечные блики плясали на воде среди лилий. С восточной стороны пруд был огражден бамбуковой дамбой высотой по колено. Струйки воды, переливаясь через край игрушечной дамбы, журчали каждая на свой лад. То была «музыка вод», во всей полноте внятная только слуху водяных фей.

А вот и сами феи, словно стайка бабочек, выпорхнули из беседки.

— Ага, братец Ким! — прозвенел нежный голосок. — Мы слышали, ты провалился на экзамене?

Не успел Ким глазом моргнуть, а их уже нет — исчезли, как будто ветер разметал лепестки цветов. В воздухе остался только запах розы и корицы.

«Эти-то откуда всегда все узнают? Ведь сидят заперти...» — поразился Ким.

Прекрасные невидимки — «феи», которых он невольно вытеснил из сада, — были его сводными сестрами. Вблизи юноша не видел их ни разу в жизни — только время от времени болтал с ними через занавеску. Сестер до замужества прятали на женской половине дворца, и смотреть на них не полагалось никому из мужчин. Ведь они будущие жены князей, а возможно, если очень повезет, и младшие жены императора.

Ким не знал их лиц, но был абсолютно убежден в том, что они прекрасны. В столице знатная девушка считалась красавицей по определению. Князь Вольгван специально постарался, чтобы его дочерей-невест внесли в иллюстрированный ежегодник «Двадцать величайших красавиц империи». Иллюстратор этого сборника, разумеется, руководствовался исклю-

чительно своим воображением и девятью основными каноническими признаками красоты, не считая тридцати трех дополнительных. Признаки были таковы: «белоснежная кожа; румянец нежный, как в сердцевине цветка груши; рот крошечный, сочный и яркий, словно капля крови на снегу; глаза — звезды, способные говорить без слов, и брови-бабочки, которые договаривают недосказанное глазами; нос — благородный, тонкий, с высокой переносицей; хрупкий и гибкий стан — такой, что ветер дунет, и деву унесет, как тростинку; волосы как гроззовые облака; походка как лист плывет по воде или ветерок пробегает по траве, не согнув ее кончики...»

Считалось, что во всей полноте эти признаки присутствуют лишь феям и легендарным императорским наложницам вроде знаменитой красавицы прошлого царствования Госпожи Ивовый Цвет. Ходил слух, что она тоже была феей — незадолго до безвременной кончины государя она таинственно исчезла из своих покоев, которые нельзя было покинуть иначе, как на облаке, и никто ее больше не видел...

Задумавшись о красавицах, Ким даже не заметил, как во дворе появился князь Вольгван. Глава рода Енгон вышел неспешным шагом из тени, обмахиваясь веером. Одет он был по-домашнему: шелковая рубашка до колен, перевязанная кушаком, просторные шаровары, плетеные сандалии на босу ногу. Бритая голова украшена старыми шрамами, седеющие усы свисают ниже подбородка. Даже в домашнем платье князь Вольгван выглядел внушительно — рослый, тяжелый, коренастый. Когда-то Ким, впервые увидев его у пристани в маленьком лесном поселке, был ошеломлен.

Перед ним, деревенским мальчишкой, предстал огромный воин, великан в сияющей броне, с многочисленной свитой — не человек, а бог войны, грозный и великолепный, который даже в одиночестве ведет себя так, словно за его спиной стоит целая армия. С тех пор прошло немало лет. Князь вышел в отставку, постарел, раздался вширь, однако Ким по-прежнему робел перед ним, как в детстве.

При виде приемыша князь добродушно улыбнулся:

— А, явился, гуляка...

— Здравствуйте, господин князь.

Не доходя шагов десяти до опекуна, Ким опустился на колени и почтительно уткнулся лбом в каменный пол галереи. Пол был дивно прохладный и чуть влажный — наверно, недавно мыли. У Кима даже головная боль утихла. «Так бы и стоял, — подумал он, блаженно закрывая глаза. — Эх, поспать бы сейчас...»

— Ну, сынок, как прошел экзамен? — раздался над его головой басовитый голос Вольгвана. — Сложный вопрос попался?

— Ох, давайте не будем об экзамене, — вздыхая, сказал Ким — Я всегда думал — зачем нам, потомственным военным, забивать головы такой чушью, как, например, происхождение зла! Или хуже того — стихи! Наше дело — защищать священную особу государя и уничтожать врагов империи. А стоит только начать рассуждать о долге, так и до измены можно дойти...

— Так-так, — из голоса князя как-то внезапно пропало добродушие. — Значит, в самом деле провалился?

— Результаты еще не объявили. Вы же понимаете, дядя, все зависит от того, кого назначат в отборочную

комиссию. Если наберут старых сморчков, которые каждую свежую, не подтвержденную цитатами идею воспринимают как личное оскорбление, тогда дело плохо...

— Точно, провалился, — резюмировал князь Вольгван и с треском захлопнул веер.

Ким вздрогнул и съежился, готовясь к взбучке.

— И что дальше делать будем? — задумчиво спросил князь. — Еще год сидеть на моей шее? Шляться по кабакам, заводить сомнительные знакомства в Нижнем городе, напиваться с купцами, бегать по крышам, устраивать драки со стражниками? Меня такой вариант не устраивает. Тебя, полагаю, тоже. Есть другие идеи?

— Я бы мог пойти в хвараны, — скромно предложил Ким.

Это предложение не вызвало у князя Вольгвана ничего, кроме хохота.

— Слушай, не смей меня! Как ты себе представляешь офицера, который на голову ниже своих солдат и похож на переодетую девчонку?

— Но ведь хвараны...

— А что хвараны? Ну, послужишь ты годик-два, а дальше что? Вот исполнится Сайхуну двадцать лет, он женится и перейдет в регулярное войско. А ты кому там нужен, киримец тонконогий?

— Между прочим, для киримца я высокий мускулистый парень! — запальчиво заявил Ким.

— Всем известно, что худшие солдаты получают из уроженцев Кирима. Да киримцы за всю свою историю ни одной войны не выиграли! Вообще странно, что там смогло образоваться хоть какое-то государство!

— Дело не в том, чтобы выигрывать войны, а в том, чтобы не ввязываться в них! — ответил Ким неточной цитатой из знаменитого имперского стратега, воителя Облачного Ветра.

— Ты бы лучше на экзамене эрудицию проявлял! — рывкнул Вольгван, нахмурился. — Вот навязался недоделанный хваран на мою голову!

Ким испуганно замолчал. Князь, глядя вдаль, задумчиво почесал веером переносицу.

— Ты хоть что-то написал? — спросил он после долгого молчания. — Работу сдал?

— Да, что-то накорябал... Хотя, по-моему, это подлость — все вопросы должны быть известны заранее, тогда можно хоть как-то подготовиться. Но в этой бесовой комиссии зачем-то выдумывают каждый год новые темы — и никому не говорят какие...

— Ладно, — проворчал князь. — Тогда дело поправимое. В комиссии, как ты верно заметил, сидят одни старые пердуны, и если они сослепу поставят тебе не ту оценку, то мы им на это ненавязчиво укажем... Ох, Ким, сколько мне с тобой хлопот! Сколько времени и денег потрачено на репетиторов, а ты к экзаменам готовился спустя рукава, да еще эта вчерашняя драка с ночной стражей... Ты хоть подумал, что будет, если эта история дойдет до Небесного Города? Как тебя там встретят, когда ты явишься на службу?

«Надо каяться», — напомнил себе Ким. Он сделал над собой усилие, стукнулся лбом об пол, а потом поднял голову и заявил:

— Да не желаю я становиться чиновником!

— Что ты там вякнул?!

Ким сел на пятки, выпрямил спину и с вызовом взглянул на князя:

— Почему вы не позволяете мне пойти в хвараны?

Князь Вольгван пристально посмотрел на приемыша:

— Что, надо повторить еще раз? Или я привожу неубедительные доводы? Ладно. Хорошенько подумай и скажи мне, чем ты отличаешься от своих братьев, кроме роста, цвета глаз и редкостной лени?

— Тем, что я не рожден Енгоном, — мрачно ответил Ким. — Военная служба — это для благородных. А государственные экзамены бессловные. Каждый имеет право попытаться стать чиновником — хоть последний крестьянин, хоть сирота безродный, лишь бы сдал экзамен.

— Именно так. Только никто не будет несколько лет подряд тратить время и деньги — к слову, немалые, — вбивая в тупую башку крестьянина тринадцать книг священного канона и обучая его излагать свои мысли стихами. Потому-то большинство студентов сейчас — сыновья богатых худародных торгашей вроде твоего сомнительного дружка Люпина...

— И приемыши вроде меня, — пробурчал Ким.

Мысленно он сказал «незаконные сыновья всяких князей», но, конечно, вслух такое повторить не решился.

— Молодец, — похвалил князь. — Ты еще сделаешь такую карьеру, какая всем этим богачам и не снилась. С нашими связями при дворе мы быстро пристроим тебя секретарем к какой-нибудь важной шишке, а там уж все будет зависеть от твоей личной ловкости и сообразительности. Ну а твоим братьям, урожденным Ен-

гонам, как ты верно подметил, на гражданской службе делать действительно нечего. В чем дело, сынок, не вижу радости на лице?

Вид у Кима был такой, как будто он открыл заветный ларец и нашел там кучку мышиного помета.

— Э... дядя Волгван, разве вы... не собирались меня усыновить?

— Нет, — удивленно ответил князь.

Ким побагровел.

— Дивлюсь я на тебя, сынок, — покачал головой князь. — Вместо благодарности вдруг слышу какие-то нелепые претензии...

— Ладно же, — сдавленным голосом произнес Ким. — Если стать хвараном мне не судьба, видать, придется уйти в горы!

— Это куда — к разбойникам, что ли?

— В монастырь!

Князь снова захохотал:

— Давай! Представляю, какой из тебя выйдет монах! Примерно такой же, как и солдат!

— Да уж не хуже, чем чиновник, — съязвил Ким.

Князь помахал рукой, с трудом удерживаясь от смеха:

— Скатертью дорожка.

— Премного благодарен за благословение! — ледяным тоном заявил Ким, вызвав у князя новый приступ хохота.

— Все, проваливай!

Ким встал на ноги и с достоинством удалился. Выйдя за ворота, он постоял несколько секунд, слушая затихающий смех опекуна, и вдруг изо всех сил пнул стенку. Его разбирала бессильная злость. Самое обидное, что и винить было некого, кроме себя. Ким ока-